

Глава 1

ЧЕРТОВО ЯЙЦО

Я вам честно признаюсь, ребята: когда в тебя с сорока шагов целится из пистолета твой ближайший друг, которому ты не раз и не два спасал жизнь в Зоне, с которым ты плечом к плечу неоднократно отстреливался от военных сталкеров и мародеров, с которым ты всегда делился последней банкой тушенки и совместно с которым у тебя выпита не одна цистерна горюче-смазочных материалов в баре «Шти», — то удовольствие значительно ниже среднего.

Предельно паскудно это, если кто еще не понял. Как сказал в похожей ситуации страус из одного мультика, в таком дурацком положении я не оказывался даже в Канаде.

— Не дергайся, Хемуль, — сосредоточенно произнес Патогеныч, сжимая рукоять пистолета обеими руками. От напряжения голос у него слегка подрагивал, и вот это мне уже совсем не нравилось. — Стой спокойно. Вообще не шевелись, собака, не то я тебе вот такенную дырку во лбу сделаю. Будешь ходить с дыркой, как последний придурок.

Я судорожно облизал губы. Еще и еще раз измерил взглядом разделявшее нас расстояние. Черт. Черт.

— Ладно, брат, — проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал сухо и независимо. Не уверен, что это у меня

получилось, но я, по крайней мере, попробовал. — Решил стрелять, так стреляй, нечего разговоры разводить. Не в Верховной раде.

— Хемуль, ты меня не учи детей делать, — угрюмо хмыкнул Патогеныч.

Черное жерло пистолетного дула гипнотизировало меня, не давало отвести взгляд. Наверное, я смотрел на него, как кролик на удава.

Поймав себя на этом, я усилием воли скосил глаза, скользнув взглядом мимо Патогеныча, замершего в воротах полуразрушенной фермы. Краем глаза зацепил видневшийся вдаль через пролом в стене лес, полуразрушенный железный шлагбаум, насмерть проржавевшие останки древнего ЗИЛа, который когда-то был припаркован на хоздворе да так навсегда там и остался, закрутившиеся огромной пенной спиралью причудливые облака в пронзительно-синем небе.

Подсознательно каждую секунду ожидая выстрела, придиричиво оглядел серые стены помещения. Всё, что находилось внутри, было либо серым, либо черным, либо паутиной. Всеобщая разруха, мерзость запустения.

Войдя в этот чертов коровник, я еще от входа заметил на стене плотоядный гриб-невидимку, вздувшийся уродливым наростом посреди неряшливых сырых пятен на потемневшей от старости штукатурке, но потом меня отвлекли начавшиеся крутые неприятности, и я теперь никак не мог вспомнить, где именно он сидит: поганое хищное растение идеально сливалось с окружавшей его серостью, чернотой и паутиной. Впрочем, какое мне теперь до него дело, если секундомер моей жизни, похоже, отсчитывает последние сладостные мгновения? Какими все-таки пустяками всегда забита голова в моменты смертельной опасности...

Не верьте тем книжным романтикам, которые утверждают, что за миг до смерти перед глазами человека

проходит вся его жизнь. Чепуха, авторитетно заявляю как эксперт в данном деле. В этот момент в совершенно пустой голове болтаются только пара одиноких мыслей про спрятавшийся гриб-невидимку и обожженное жгучим пухом плечо, а также дурацкое мимолетное сожаление по поводу того, что куча денег за драгоценный артефакт, из-за которого ты сейчас почти наверняка останешься лежать здесь с простреленной башкой, благополучно промарширует мимо тебя. Да еще истерично мерцающее на краю сознания, как зеленый человечек на светофоре: «Нечестно! Нечестно!»

Всякие умники-новички наивно полагают, что настоящий крутой сталкер должен думать исключительно мужественным матом, особенно в критических ситуациях, а слово «нечестно» годится разве что для детского сада или подростковых повестей; ступайте к дьяволу, умники. Почему-то все окрестные земли усеяны вашими костями, а не моими.

Впрочем, какая разница, если конец все равно один. Топтал я Зону во много раз дольше вас, умники, а что толку?

Я устало закрыл глаза, не в силах больше видеть многолетние пыль и паутину вокруг. Выстрела всё еще не было. Неправильно это, когда последнее, что видишь перед смертью, — пыль и паутина. Есть в этом какая-то высшая подлость.

Как только зрение перестало передавать в мозг свои восемьдесят процентов информации, сразу обострились все остальные чувства. Иногда я пользовался этим приемом, когда не мог понять, что именно тревожит меня на маршруте, почему я никак не могу сделать следующий шаг по тропе, хотя глаза не различают ни малейшей опасности. Часто это срабатывало, и я быстро обнаруживал источник тревоги.

На грани слышимости тут же обозначился далекий гул винтов — патрульный вертолет миротворцев барражирует над Мусоркой. Едва ли он направится в нашу сторону, тут же автоматически щелкнул аналитический центр в моей голове: закладывает вираж над Собачьей деревней в сторону Периметра.

Тянет пронзительно-горелым и чем-то кислым от трупа свиномраза, валяющегося в соседнем стойле.

Ребристая поверхность головки болта в пальцах. Зачем мне теперь болт? Ладно, пусть будет. Умереть с болтом в руках — мечта любого сталкера! Прекрасная героическая фраза, по уровню идиотизма вполне заслуживающая быть вставленной в мультик про страуса.

Тяжелое прерывистое дыхание Патогеныча, отчетливо доносящееся даже с такого расстояния. Неплохо бы ему наконец бросить курить, не то рак легких в ближайшие несколько лет сведет его в могилу. А ведь не так-то просто выстрелить в своего старого боевого товарища. Ломает, брат, правда?

Выстрела все еще не было. Интересно, я успею услышать выстрел или умру быстрее, чем его грохот догонит убежавшую вперед пулю?..

И еще тонкий отвратительный звук в окружившем меня непроглядном мраке — прямо передо мной. Едва уловимый, на грани слышимости, перекрываемый даже шепотом травы под порывами ленивого ветра, но от этого не менее зловещий и неприятный — словно кто-то снова и снова ударяет смывком по обратной стороне двуручной пилы, и ее изгибающееся полотно тонко вибрирует, плачет и поет неестественным голосом, захлебываясь и всхлипывая, словно неземное существо с четырьмя пулевыми ранениями в груди.

Решив все-таки, что дожидаться выстрела с закрытыми глазами неконструктивно, я снова уставился точно в дуло «беретты». Привет, родная.

А начинался этот поганый день совсем неплохо. Заночевав в баре «Сталкер», мы с Патогенычем рано утром вдвоем выдвинулись на Полигон. Солнце пекло как бешеное, даже не верилось, что уже глубокая осень. Впрочем, в Зоне всегда глубокая осень, даже поздней весной.

Последний выхлоп был давно, так что до Полигона у нашего клана уже имелась более или менее проवेशенная тропа — не то чтобы совершенно безопасная, но, по крайней мере, минимально обозначенная на местности. Другой вопрос, что дальше, на севере уровня, куда мы сейчас направлялись, аномалии всегда стояли стеной, и даже самые матерые ветераны предпочитали не забираться сюда поодиночке или в паре.

На Полигоне часто рождаются хорошие артефакты, но такой риск все равно не оправдан. Для вылазки требуется пять-шесть минимально обученных отмычек, на всякий случай. Для собственного спокойствия. И опытный помощник ведущего. Опять же и от мародеров с кабанами чтобы можно было без особого труда отбиться, если что.

Однако, когда несешь в контейнере жутко дорогой артефакт, а вокруг тебя пять-шесть непредсказуемых стволов, ситуация выходит довольно двусмысленная. Да и хабар приходится потом делить на всех, если ведешь с собой полдюжины отмычек. Не сказать, чтобы мы с Патогенычем по жизни были патологически жадными, но, когда он плюхнулся рядом со мной на высокий табурет бара «Шти» и выложил на стойку распечатку битого файла с ПДА одного погибшего бродяги, труп которого обнаружил неподалеку от брошенной военной базы, я сразу понял, что отмычки нам в этом деле ни к чему.

Судя по всему, сталкер из клана «Небеса» ходил на Полигон один. Иначе было бы непонятно, почему напарники бросили его тело в Зоне прикованным жадинкой к бетонной плите, со всем оружием и снаряжением, а так-

же столь ценной информацией. За его портативный компьютер Патогеныч, кстати, получил некоторые деньги от системного гения Че; тот наверняка огреб вдвое больше, продав его «Небесам», но это уже не наш бизнес.

Вот только предварительно мой коллега пошарил в ПДА покойника и скачал себе всю любопытную информацию, которая нашлась в электронной памяти. А один битый файл из корзины и вовсе затер — так, на всякий случай.

Внимательно изучив распечатку этого самого файла, я поднял глаза на Патогеныча:

— Это именно то, о чем я думаю?

— Пес тебя знает, о чем ты думаешь, — резонно отозвался Патогеныч, поднимая тремя пальцами стопку прозрачного. Выпив, задумчиво крякнул, поставил стопку на стойку и постучал обломанным ногтем по листу бумаги передо мной: — Но вот это должно быть страшно интересно, брат.

Я уже и сам понял. Так спросил, на всякий противопожарный случай. На распечатке были снимки участков местности и показания детектора аномалий. Очень размытые снимки и очень приблизительные показания детектора аномалий. Однако этого уже хватало, чтобы рискнуть.

Кипятить твое молоко!.. Паренек из «Небес» оказался вполне опытен, чтобы сообразить, что именно может означать такое расположение аномальных полей, но недостаточно опытен, чтобы не делать по этому поводу никаких записей на ПДА. А может быть, он сам ничего не понял и специально записал данные, чтобы потом показать их какому-нибудь ветерану и выяснить поточнее, что означает такая удивительная картина.

А означала она одну простую, но немаловажную вещь: богатство. Или мгновенную смерть — ну, это уже как карта ляжет...

— Яйцо, — сказал я, деловито придвигая к себе свою порцию прозрачного.

— Точно, — проговорил Патогеныч, отобрав у меня распечатку и тщательно упрятав ее во внутренний карман джинсовой куртки. — Еще громче крикни, собака, а то, может, еще не все в баре тебя услышали.

— Опасное дело, — сказал я, из вежливости понижая голос, хотя и так уже говорил почти шепотом. — Бочка с порохом.

— Куча денег, — немедленно отозвался Патогеныч. — Две кучи денег. Последнее яйцо было обнаружено три года назад. Стало быть, три кучи денег.

— На двоих, — на всякий случай уточнил я, чтобы потом не возникло какого-нибудь трагического недопонимания между компаньонами.

— Понятное дело. Четыре кучи денег на двоих. Молодняк внутрь не пошлешь, весь попередохнет на первых же шагах, а если они не пойдут внутрь — на кой хрен вообще брать их с собой? Деньги девать некуда? А лишний ветеран погоды не сделает, будет только мешаться.

— Нужно сначала договориться с Бубной, — озабоченно проговорил я. — У него может просто не оказаться при себе столько карбованцев, когда мы притащим ему эту штуку. Пусть приготовит нужное количество денег заранее.

— И надо сразу просчитать и договориться, как будем уходить из бара с такой суммой, — добавил Патогеныч. — Тут возможны всякие неожиданности. И как потом этой суммой распорядиться. Потому что распорядиться надо будет предельно быстро, слухи пойдут моментально...

На этом предварительные переговоры закончились, потому что на соседний табурет за стойкой приземлился Фаза. Хороший человек — Фаза, но зачем ему знать про

чертово яйцо? Вот и я говорю: совершенно незачем хорошему человеку Фазе знать про чертово яйцо.

Через Периметр мы с Патогенычем прошли как нож сквозь масло. Красиво. После достопамятного грандиозного прорыва военные пока так и не сумели полностью восстановить целостность первой линии обороны, поэтому особых проблем у нас не возникло. Мы аккуратно вскрыли забор из колючей проволоки, аккуратно залатали дыру, в ударном темпе преодолели минное заграждение и успели раствориться в лесу прежде, чем со стороны Чернобыля-4 донесся стрекот патрульных вертолетов — то ли летящих по нашу душу, то ли совершающих плановый облет территории.

Подстраховывая друг друга, мы пересекли по короткой диагонали Мусорку, успешно миновали Технопром, без особых приключений обогнули по берегу Чистое озеро и выбрались к бару «Сталкер». Здесь заночевали, потому что в Зону мы вошли вечером, наскоро собравшись сразу после военного совета в «Штях». Лезть в лабиринт аномальных полей ночью, в кромешной тьме — нет, спасибо, я знаю более изящные способы самоубийства.

Зверья на маршруте нам встретилось негусто: Большой Прорыв забрал слишком много биомассы, которую пожгли на подступах к Киеву военные, и теперь твари усиленно плодились и размножались где-то в глубинах Зоны, у Четвертого энергоблока, пытаясь восстановить свою былую численность. За всю вылазку мы подстрелили лишь свиномразь, кабана, трех дохлых собак недалеко от Собачьей деревни и троих мародеров. В общем, до самого Полигона не израсходовали и по магазину патронов. Курам на смех.

Мародеры зачем-то напали на нас на окраине Мусорки, хотя было очевидно, что мы пустые идем в Зону, а не возвращаемся с хабаром. Впрочем, с нас и без того было что снять: с первого взгляда становилось ясно, что

люди идут бывалые, обстоятельные, экипированные по всем правилам. Пары наших ПДА уже хватило бы, чтобы скромно посидеть в баре «Шти». Плюс датчики аномалий, плюс оружие, плюс крепкие ботинки, в которых удобно топтать Зону.

Однако с первого же взгляда должно было быть видно, что связываться с такими серьезными людьми себе дороже. Я бы, честно говоря, не удивился, если бы узнал, что мы обнаружили мародеров на несколько мгновений раньше, чем они нас. Все-таки мы с Патогенычем досконально знаем все места на Мусорке, где можно устроить правильную засаду.

Короче, едва только завязалась перестрелка, мы сразу пришили двоих короткими очередями к деревьям, за которыми они прятались. Третий пытался уйти, но целеуказатель моего «хопфула» не подвел и на сей раз. Не зря я забрал эту игрушку у Хе-Хе перед тем, как он навсегда покинул Зону. Машинка охотно жрала стандартный сорок пятый патрон от «М-16», так что проблем с боеприпасами у меня не возникало.

На трупах мародеров мы не обнаружили почти ничего интересного и реквизировали только патроны, полбутылки водки и початую пачку сигарет. Те копеечные артефакты, которые мы вытряхнули из их контейнеров, не окупали бы даже усилий, чтобы за ними нагнуться, тем более в такой день, когда мы направлялись за чертовым яйцом. Заплесневелым полубатоном копченой колбасы, полупустой аптечкой и промокшей, разваливающейся буханкой хлеба мы, естественно, тоже побрезговали.

Уровень Полигона, как по заказу, был прикрыт не полностью. За последние трое суток часть практически сплошного аномального фронта, рассекавшего его территорию почти пополам всю последнюю неделю, сместилась к северо-востоку. Половина контактных пар оказалась

полностью разряжена. Нам это всё было на руку, однако имелся риск, что при таких раскладах редчайшее пересечение разнородных аномальных полей в интересующей нас точке тоже распалось. Поскольку мы шли наугад, не уверенные даже на пятьдесят процентов, что удачное стечение обстоятельств вообще породило драгоценный артефакт, такие новости не прибавляли нам оптимизма.

Впереди раскинулся давно заброшенный животноводческий комплекс крупного фермерского хозяйства. В те времена, когда случился Первый взрыв, они назывались как-то смешно — не то кибуцы, не то клохозы. Короче, какое-то еврейское слово.

Три корпуса помещений для животных были расположены на местности гигантской буквой П. На огороженном невысоким бетонным забором хоздворе высились покосившимися бесформенными горами брошенные грузовики, проржавевшие до основания, в углу виднелся завалившийся набок трактор «Беларусь». И совсем рядом — новенькая, блестящая на солнце «Нива», словно вчера сошедшая с конвейера. Вот только такую модель не выпускали еще с прошлого века.

Мы залегли за пригорком и тщательно изучили ровники в армейский бинокль Патогеныча. Вот оно, это место. Всё сходится. Именно эту бетонную букву П запечатлел покойный сталкер, и чуть ли не с этой же самой точки. Факт. Вот электроподстанция, вот домик с бывшими офисными помещениями, вот ручей, вот огромное уродливое дерево, словно скрученное гигантскими руками.

А вот аномальное поле. Датчик будто взбесился: согласно его показаниям, на территории животноводческого комплекса мухобойки налезали на птичьи карусели, трамплины сталкивались с гравитационными плешами, а над всем этим безобразием парили топки. Разумеется, так не бывает, разнородные аномалии никогда не сопри-

касаются друг с другом, между ними всегда остается проход. В сплошные непроходимые полосы сливаются только однотипные ловушки, и то очень редко. Теперь лишь оставалось выяснить, насколько широки эти самые проходы между аномалиями — допустим, протиснется ли в них сталкер несколько крупнее средних размеров.

Пока мы добирались до места, я в основном шел впереди. Таков сталкерский закон: если тебя взяли в долю на вылазку за богатым хабаром, будь любезен отработать. Вопросов нет. Но когда мы достигли цели, отработка закончилась. Теперь предстояла самая сложная часть миссии, поэтому мы с Патогенычем в настоящий момент были на равных. Иначе получилось бы, что он взял меня в качестве отмычки, чтобы загрести жар чужими руками; но я умею зарабатывать и менее рискованными способами.

То есть я готов и на достаточно серьезный риск, но когда работаю сам на себя, а не на постороннего дядю. Даже если этот дядя — Патогеныч.

— Ну что? — негромко спросил коллега, не отрывая взгляда от полуразрушенного коровника. — На «камень — ножницы»?

— Идет.

Всем известная с детства игра: противники одновременно выкидывают вперед правые руки. Рука либо сжата в кулак — «камень», либо раскрыта — «бумага», либо вытянуты два пальца — «ножницы». Ножницы режут бумагу, бумага заворачивает камень, камень тупит ножницы. Все предельно просто.

Глупец в первом туре, скорее всего, выкинет «камень». Он наивно полагает, что «камень» — это нечто неизбывное, солидное, самая сильная позиция в игре, однозначно превосходящая и хрупкие «ножницы», и тонкую непрочную «бумагу».